

Золото «Божественного молчания»

С творчеством талантливого поэта, прозаика и священника Геннадия Рязанцева-Седогина я познакомился несколько лет назад, когда собирал материалы для православной антологии «Наше Бессмертие». Главным редактором этого многолетнего труда выступил председатель правления Московской областной писательской организации, выдающийся поэт Лев Котюков. Именно он и посоветовал мне обратить внимание на стихотворения отца Геннадия

Уже тогда, читая батюшку, я понял, что передо мной открывается сильная и яркая поэтическая личность, имеющая свой узнаваемый стиль, подлинную философскую глубину и неповторимую лингвистическую харизму! Спустя некоторое время, встретив отца Геннадия на презентации уже упомянутой антологии, я укрепился в мысли, что не зря батюшка давно дружит с Львом Константиновичем, ведь оба они имеют неоспоримый дар Слова. Поэтому когда я узнал, что отец Геннадий написал новую книгу, то, конечно же, предложил ему издать её в нашем издательстве «Серебро Слов». И вот, дорогой читатель, ты держишь в руках свежую книгу поэта-богослова Геннадия Рязанцева-Седогина «В Божественном молчании». В неё вошли не только стихотворения, но и несколько замечательных эссе, каждое из которых поражает глубиной мысли и нетривиальностью философских выводов.

Божественное молчание всегда сопутствовало православным подвижникам. Известно, что в таком молчании святые исхаживались Духом к самому Престолу Господнему, проторяя туда дорогу своим последователям. Так кому же, как не православному священнику и творцу, сегодня рассказать об этом на языке поэзии нам, современным читателям, ищущим истину

и смысл бытия? Думаю, что отцу Геннадиию с Божией помощью это удалось! Мы знаем из Евангелия, что «В начале было Слово». И именно Словом можно творить настоящие чудеса, исцеляя людские души. Но для этого Слово должно быть благодатным, а тот, кто его произносит — благодатным! Эта мысль осеняет читателя в первом же стихотворении батюшки:

И лишь тогда ты благоден, поэт,
Когда ты знаешь, что за тёмной гранью
Незрим бессмертный образ мирозданья,
В нём нет страдания,
и времени в нём нет.

Боговдохновенные строки священника мгновенно настраивают читателя на восприятие Истины. Поэтому, как говорится, «кто имеет уши, тот услышит!» В книге отца Геннадия каждый найдёт что-то для своей души. Будь это воспоминание о доме детства, о таянии последнего снега или о сакральных откровениях церковного богослужения, рассказывать о которых имеют особое дерзновение лишь священнослужители. Именно поэтому, лично я считаю книгу уникальной в смысле её философской многогранности. Эта многогранность чудесным образом придаёт сборнику и так называемый терапевтический эффект. То есть книгу можно держать на столе и открывать в трудные минуты на любой

случайно выпавшей странице, получая необходимую духовную и даже телесную (в случае недуга) поддержку! Книга «В Божественном молчании» — своеобразный мостик, связывающий наш материальный мир с миром Божественным.

Как страж между двумя мирами,
Стоишь, храня слова, поэт
И, ежедневно умирая,
Ты ищешь правды вечный свет.
Удивительные слова высшей поэтической Правды! Как тут не вспомнить замечательную поговорку, что «доброе слово — серебро, но молчание — золото!» Книга «В Божественном молчании», вышедшая в издательстве «Серебро Слов», на мой взгляд, подтверждает вышесказанное не только игрой слов, но и самой сутью!

В заключении хочется подчеркнуть: труд, который ты держишь в руках, дорогой читатель, написан поистине аристократом духа! Это определение я взял из эссе отца Геннадия об аристократизме. Он пишет: «Аристократия тогда подлинная аристократия, когда она подаётся даром как талант или гений. И они аристократичны уже только потому, что талант и гений не принадлежат человеку, а являются духовным даром милости Божьей. От них нельзя стать гордым и тщеславным, они суть Божьи и по рождению, и по

происхождению. Поэтому гений и талант по праву принадлежат аристократии. Для аристократии более свойственно состояние вины, чем обиды. Аристократии свойственна щедрость, а не жадность. Она не занимается самовозвышением, она служит другим. Она жертвенна».

Я уверен, что нам стоит принять книгу отца Геннадия как щедрый духовный дар, прикасаясь к которому, и мы, грешные, имеем возможность обрести истинное духовное прозрение и встать на путь познания Правды Божьей!

Сергей АНТИПОВ

Набокова, который давным-давно нагло прокаркал, брызгая завистой слюной:

«Я ненавижу трёх докторов: доктора Чехова, доктора Живаго и доктора Фрейда!» Ну, как говорится, — опаньки! — приехали! Вот до чего доводит людей чрезмерное увлечение художественной литературой.

Первое — т.е. Чехов... Чёрная зависть посредственности к абсолютному гению.

Второе — т.е. Пастернак. Чёрная зависть посредственности к более удачливому и талантливому современнику, поскольку сам г-н Набоков и близко не был подпущен к нобелевскому лауреату.

Третье — т.е. Фрейд... Тут уже не зависть, а зоологическая ненависть, ибо психоанализ по Фрейду до дна вскрывает поганенькую сущность г-на Набокова — все его гнусные комплексы вкупе с латентной педерастией.

Лично я, в отличие от г-на Набокова, боготворю Чехова и обожаю Пастернака. Очень люблю прекрасный роман «Доктор Живаго», несмотря на нобелевскую премию, явно не оценённый критикой и читательским дурачком. Удивительно: какую антисоветчину нашла в романе коммунистическая цензура? Её там и с «тысячью биноклей на оси» не усмотреть (Строчка из стихотворения Бориса Пастернака «Гамлет». Напоминаю тупым читателям полностью всю строфу: «На меня направлен сумрак ночи / Тысячью биноклей на оси./ Умоляю, если можешь, Отче,/ Чашу эту мимо пронеси!» Цитирую по памяти... Если у Пастернака не совсем так, то, уверен, он на мою невольную редактору не в обиде. Бинокли на оси — это театральные бинокли типа лорнета. Что такое лорнет — объяснять не буду, ибо малость подустал. Да и бесполезно объяснять дуракам очевидное. Легче объяснить абсолютно необъяснимое. И вообще: читайте Бориса Пастернака, авось и поумнеете незаметно для самих себя, и для многострадального Бориса Леонидовича, Царствие ему Небесное! — Прим. Л.К.), в отличие от преподобной «Смуглянки-молдаванки». Литерический роман замечательного поэта — и удивительно оригинальное творение, — и я скорблю об идиотах, не понимающих сие и скукающих над страстным текстом.

А что касается гениального Фрейда, то слава Богу, что он есть, что с помощью его методов можно познать большую челове-

ческую сущность типа Набокова и поставить соответствующий диагноз.

Впрочем, Набоков с лукавой помощью худлитературы без докторов сам поставил себе диагноз. Этот диагноз прост и ясен, как тухлый валенок в летний день на солнцепёке: дегенеративный снобизм. «Да что вы себе позволяете, Лев Котюков?!» — слышу я истошный, многоголосый вопль из недр околотературной помойки.

Позволяю, позволяю... У меня справка есть, тьфу, вернее диплом «За более чем скромный вклад в художественную литературу». А посему ещё не то могу себе позволить!.. И ничего вы со мной не делаете, я за гранью благоразумия... Но из последних сил сдерживаю себя... Пока сдерживаю, так что, ха-ха-ха, держитесь от меня подальше, господа хорошие-нехорошие. И вообще, у меня о, какая крыша — Солнцевская!!! А за мной стоят, как три богатыря, — три доктора: Чехов, Живаго и Фрейд.

Так что я могу очень многое себе позволить. Ведь позволено было благополучному дегенерату Набокову хулить не только Чехова, Пастернака и Фрейда, но и Достоевского, Бунина, Шолохова.

Чего стоит его мерзопакостная оценка великого «Тихого Дона»: «Коммунистическую агитку "Тихий Дон" я оставляю за пределами художественной литературы»

А?! Каково?! Как говорится, без комментариев!!! Достаточно того, что даже пресловутая худлитература возмутилась, как море дождей на Луне, внимая дегенеративному бреду.

И вдруг я отчётливо понимаю — что нужно от меня этой т.н. художественной литературе.

Лжи!!! Вот почему мне так неловко в ней, поскольку я упорно стараюсь говорить правду, а правда и худлитература так же чужды друг другу, как жизнь и время. И более, чем чужды, они необоримо враждебны друг другу, ибо жизнь во времени конечна, а время без жизни ничто.

И возникает на мгновение из невыносимой, нечеловеческой пустоты без тьмы и света одинокое, пронзительно одинокое лицо человека. Возникает лишь на мгновение, но я успеваю понять, что человек с одиноким лицом — Чехов.

Этот человек, как никто из смертных, знал всё, что нам, многогрешным, знать не надобно...

И глухнут над бездной последнего одиночества, обращаются в пепел безмолвия слова бессмысленной мольбы:

«О, если бы знать!.. О, если бы... О, если бы...»

И никакой художественной литературы нет, которую я так ненавижу, но в которой мне невыносимо хочется остаться, как последнему кленовому листу в ледяном листообе на окраине хмурой русской осени.

Странно, но я почему-то упорно чего-то жду, хотя ожидать давно нечего. Впрочем, когда жизнь почти прожита и даже без водки кажется нестрашной женщиной, нешлохо и подождать лишних лет десять-пятнадцать, ну хотя бы ради природного любопытства: чем закончится нынешний смутный передел мира? Да и собственная судьба, как ни отстраняйся от неё, не оставляет в покое душу. Ибо Господь не только творец человека, но и Промыслитель его истории в пределах, не отнимающих у человека свободу воли.

И вообще: пропадает мой протестный, саморазоблачительный запал, полинявший мои неловкие заметки, спешно улечучивается неведомо куда вместе с идиотским вопросом: «Как я попал в художественную литературу и какого рожна ей от меня надо?»

Да и не хочу я на него отвечать!

— Но вы ведь обещали, Лев Константинович, — слышу разочарованные голоса верных друзей и недругов.

— А я вам лгал!!! — категорично рывкаю я. — ???

И отстаньте от меня, ибо всяк человек — тщета и ложь! Я не хочу уподобляться нынешним, обдолбанным интернетом сочинителям, суматошно карябающим грязными ногтями огненный гранит вечности! Я ничего не хочу! Я давно за гранью.

Но эти слова не слышит никто, ибо я как бы сам себе отвечаю, дабы хоть как-то охолодеть душу, уставшую от неверных людей.

И ещё:
У Бога нет последних слов,
сила без дерзновения — ничто,
вне Бога ничего нет, даже небытия.
Бог — не человек, чтобы Ему гудеть.

Честность повторима,
талант — никогда!
Истинная свобода —
это отсутствие греха.
Эй, кто там?! Проходи,
забор скоро кончится!!!

Ну и т.п.
О, русские тёмные ночи!
О, русские страшные сны!

Сколько раз — не счастье! — мне снилась неопишимо огромная художественная литература. Она наваливалась на меня во сне, как пьяная, красивая баба, и неотступно требовала и требовала вечной любви во времени земном.

И отказать ей было почти невозможно...

Но с недавних пор этот кошмар стал отступать — и чёрные тени ночей обратились в серебряный свет, а моё последнее одиночество обратилось — нет, не надеждой, а смирением.

И однажды в светлом сне ранней осени возникла печальная женщина, которую я давно позабыл. Но лицо женщины не было печально, как в последний миг нашей разлуки, будто она вперёд меня до конца познала, что погибель — это не уничтожение, а иное существование человеческого сознания вне пространства и времени.

Слава Богу, художественная литература не имела никакого отношения к потерянному женщине. Это было моё личное, которому во веки веков не стать общим. И это было моей великой победой над художественной литературой во времени и вне времени.

А наяву я продолжаю творить на поприще своём вопреки последнему одиночеству, со всяким смиренномудрием и многими тяготами, среди искушений, приключившихся со мной по злоумышленным воинствующим иуд от художественной литературы, но больше по собственной вине, не страшась неволи и скорби, и жизнью своей не дорожа за гранью понимания и благоразумия.

И не надо ничего! Ничего не надо!
Блаженнее отдать, нежели принять...
Блаженнее остаться непобеждённым,
чем жалким победителем последних времён...

И что сказал, то сказал...